

ЭРОЗИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Не вдаваясь в детальный анализ этой эпохи, наступление которой было вызвано вступлением человечества в неолиберальную фазу глобализации, отметим ее главное отличие от эпохи модерна. Последняя была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное — национальное — устройство пространства совместной жизни лингвистически, конфессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами не на основе традиций, а на основе рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы».

Однако проект модернизма с характерными для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структурализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом. Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стало установление *стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизовавшими идею «свободы от» государственного регулирования не только экономики, но и унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так

возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом личной свободы и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал постмодернизм. Его кредо — формирование массовой мультикультурной среды существования, появление которой, повторю, вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

Попадая в пространство Интернета, различных СМИ, в кино и театры, концертные залы и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных «блюд». Здесь, как в слоеном пироге, причудливо смешаны стили и товары из разных стран мира, пласты вненациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако, забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда — вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии, скорее, благодаря ему она является пространством управляемого потребления и контролируется транснациональными корпорациями, рыночным стратегиям которых плюралистичность культурной среды вполне соответствует.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют *экзотизацию* специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных

вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар»¹.

Чрезмерное мультикультурное разнообразие утомляет. Им заполнены СМИ и Интернет. Массовое сознание дезориентируется и сейчас больше соответствует теориям массового общества, чем в то время, когда эти теории создавались. З. Бауман прав, когда характеризует становящуюся глобальную цивилизацию как внешне фрагментированную, но по сути подконтрольную². Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляется через потребление³. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности, заключается в том, что она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. При этом доступ контролируется, а потребитель во фрагментированной культурной среде получает специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба все больше становится информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение

---

¹ Глобализация и мультикультурализм. М. : РГГУ, 2005. С.185.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Праксис, 2002. С. 178.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : Республика : Культурная революция, 2006.

информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Но мультикультурализм — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G-7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума. «Это сугубо современный концепт как по историческому контексту своего возникновения, так и по идейно-ценностной нагрузке, которую он несет. Ибо в своей логике это концепт глубоко постмодернистский, даже если парадоксальным образом он стимулирует проникновение в западные «постмодернистские» общества элементов раннего модерна, домодерна и архаики».⁴

Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, его «месседж», посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированных не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и

---

⁴ *Нарочницкая Е.* Мультикультурализм как философско-политическая концепция // Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/kotel/multikulturalizm_kak_filosofsko-politicheskaja_koncepcija_2013-12-12.htm.

родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». В гражданском плане многие члены этих общин склонны ассоциировать себя с государствами происхождения, даже натурализуясь и становясь участниками политического процесса в европейских странах.

Казалось бы, стремительный рост числа переселенцев, не желающих интегрироваться в США и Европе, занимающих нижние ступени социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных жителей, в том числе политиков. Но их сдерживают пресловутые «толерантность» и «политкорректность», формирующие по сути эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Так, в рамках концепции политкорректности запрещается поздравлять собеседников с Рождеством Христовым, поскольку это может оскорбить атеистов и представителей других религий (как будто непонятно, что они и так не празднуют Рождество!). Негра запрещено называть негром, черным, чернокожим и так далее — он становится афроамериканцем. «Голстый человек» — ненормативно в рамках политкорректного новояза, он — «развивающийся горизонтально», «маленький» — «вертикально недоразвитый», а «жулик» — «этически не ориентирующийся». И так до бесконечности.

Над всем этим можно было бы лишь посмеяться, если бы не вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые называют вещи своими именами. Но дело не только в юридической практике, ставшей уродливым выражением политики борьбы за голоса всех и всяческих, в том числе сексуальных, меньшинств. Если бы не усилия американских, а вслед за ними и немецких феминисток, в западном либеральном мире не распространялось бы, как снежный ком, массовое открытие гей-, лесбийских и подобных клубов, не появилась бы лояльность к одной из наиболее омерзительных категорий преступников —

педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе «коррекция» пола и сексуальной ориентации. «При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован», а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищенной фигурой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 долл./мес.)»⁵.

Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Об этом же говорит усиливающийся тренд к легализации содомии. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них — протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия; католические Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция.

Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к совсем уже диким, нецивилизованным формам общественного бытия. Ведущие голландского молодежного телешоу Proefkonijnen («Подопытные свинки») Деннис Сторм (Dennis Storm) и Валерио Зено (Valerio Zeno) в эфире своей телепередачи попробовали по кусочку мяса друг друга. Оба телеведущих перед эфиром подверглись небольшой операции: у Сторма хирурги отрезали небольшой кусок плоти с ягодиц, а у Зено — с живота. После этого мясо было тщательно прожарено, и ведущие съели его в студии. Как пишет The Daily Mail, Сторм и Зено

---

⁵ Шаров К. С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 41.

заявили, что в человечине «нет ничего особенного», хотя и отказались комментировать вкус мяса. Вопрос о том, какова на вкус человеческая плоть, стал темой для премьерного выпуска передачи, а также широкого обсуждения в форумах⁶.

Недалеко от них ушли и организаторы рекламной акции компании *Sarcom* в преддверии выхода шестого эпизода популярной игры «Обитель зла», открыв мясную лавку для любителей человечины в Смитфилде на востоке Лондона. Все мясо было съедобным — свинина и говядина, но кулинарная художница Шэрон Бейкер старательно придала ему вид частей и органов человеческого тела. Жуткий вид товара не помешал поклонникам игры и фанатам темы зомби приобретать товар по весьма высоким ценам.

Подобные перформансы и креативы (а именно этим оправдываются инициаторы) по сути являются поэтапным приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. В частности, абсолютным табу практически во всех культурах всегда был инцест, но в ЕС уже началось обсуждение его легализации⁷. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на телевидении представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестофобии», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Европейского союза обсуждают легализацию педофилии. В этом контексте перспективы сохранения и развития большинства европейских культур выглядят совсем не радужными.

---

⁶См.: <http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPI0>.

⁷См.: <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta>.